

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et en Yougoslavie. . . . .
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern . . . 0.70 pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Рос 4-4
1-1041

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 12 (368)

16-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, г. Broca, (Square Albin Cachet, bât. 11), Paris (13e). Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

26 Июня 1936 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: 145 и одна.
Р. Абрамович. Исторический документ.
А. Югов. Классы в Советской России.
В. Ал. Максим Горький.
П. Гарви. Перед снятием санкций.
В. Александрова. Литература и жизнь: Первый вал.

Заграницей: С. Шварц. Профессиональное и стачечное движение во Франции Народного Фронта. — В. И. Политическое положение в Бельгии. — Борьба латышских социалистов. — Социалистическая конференция в Польше.

Почтовый ящик.

От Редакции.

145 И ОДНА

В 1921 г., в самый разгар знаменитых споров о зиньевском «21 условии», один остроумный французский социалист заявил: «Я бы охотно принял эти условия, если бы знал, что имеется 22-ое условие, которое разрешает не выполнять первые 21».

Проект советской конституции, которому мы посвящаем в этом номере две статьи, и к критике которого нам еще не раз придется вернуться, составлен, примерно, по рецепту этого французского социалиста. 145 статей этого проекта дают (в принципе) стройный, во многих отношениях совершенный и для демократического социализма вполне приемлемый правовой фундамент для построения пролетарского государства, идущего к социализму путями демократии. Но один из самых центральных и основных блоков этого фундамента, статья 126, срывает всю конструкцию, делает ее крайне шаткой и опасной, сводит на нет почти все достоинства и положительные стороны целого. Ибо эта статья фактически уничтожает политическую свободу, устанавливаемую конституцией в целом, ту свободу политического высказывания и политической деятельности, без которой нельзя себе мыслить подлинную демократию, подлинное строительство социализма.

Ведь даже сама статья 126 начинается с признания, что «для развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс» гражданам

СССР надо обеспечить «право объединения» в различные организации, т. е. право коалиции. Однако статья эта тут же ограничивает это право объединения исключительно не-политическими, так называемыми, «общественными» организациями (профсоюзы, кооперативы, научные общества и т. п.). Мало того, она вводит еще ряд дальнейших ограничений этой свободы: она устанавливает, во-первых, что «руководящим ядром» во всех этих «общественных» организациях обязательно должна быть Компартия; она, во-вторых, декретирует (или, может быть, только констатирует?), что «наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются в Ком. Партию СССР», этим косвенно устраняя вопрос о всех других политических партиях и организациях; она, в-третьих, прокламирует руководящую роль Компартии во всех государственных организациях.

Это в своей сумме дает правовое подтверждение той фактической монополии, которой ВКП(б) располагала в Сов. Союзе до сих пор, правда, формально в разрез с конституцией 1918 г. Официальные и неофициозные комментарии не оставляют в этом сомнения. Бухарин в своих статьях в «Известиях» (напр., от 15 июня) не только подтверждает это, но приводит и мотивы этого запрета всех других партий. В нашей стране, пишет он, окончательно победил социализм. По-

этому, конституция не допускает и самой постановки вопроса, о том, куда идти: назад, к капитализму, или вперед, к коммунизму. «Сторонников враждебных, ликвидированных классов, организованных в партии, у нас нет, и допущены они быть не могут». Легко видеть, что вывод Бухарина о полном запрещении в с е х д р у г и х партий, кроме ВКП, идет гораздо дальше, чем его аргументация. Сторонники ликвидированных, т. е. капиталистических классов и защитники капитализма не допускаются. Пусть так, хотя против этого можно было бы очень много возражать именно с пролетарской точки зрения. Но как быть с пролетарскими группировками, стремящимися к социализму, но только иными путями и методами, чем ВКП? Подходят ли они под запрет, или нет? Распространяется ли на них обязательство подчинения «руководящей роли» ВКП? Имеют ли они право, принимая всю конституцию в целом, принимая на себя обязательство выполнять все установленные конституцией обязанности граждан СССР, воспользоваться и всеми теми правами и свободами, которые установлены в том же разделе?

Но если это не так, если остается абсолютная политическая монополия ВКП, то какое реальное значение имеют все гарантии статьи 125, «в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя» великодушно обещающей «гражданам СССР» свободу слова, свободу печати, свободу собраний, даже свободу уличных шествий и демонстраций, и обеспечивающей эти права граждан предоставлением «организациям трудящихся» типографий, бумаги и т. п.? Ведь это означает на практике, что все свободы и «необходимые для их осуществления материальные условия» будут предоставлены одной только коммунистической партии или тем не-политическим организациям, которые будут (д о л ж н ы будут, согласно ст. 126) находиться под руководством той же ком. партии? Ведь это означает, что гражданам СССР, рабочим, крестьянам и трудящимся, не согласным, или не вполне даже только согласным с официальным руководством ВКП, не будет и при новой конституции ни в какой, даже самой минимальной, степени предоставлены те права и свободы, о которых так много говорится в проекте! Ни один социалист какого-бы то ни было толку, ни один троцкист, оппозиционный коммунист или анархист попрежнему не будет иметь возможности в какой бы то ни было, даже самой мирной форме, пропагандировать или отстаивать свои взгляды. Никакому объединению трудящихся, мыслящих иначе, чем компартия, не будет и при новой конституции предоставлена возможность издавать газету, печатать свои издания, созывать свои собрания и лекции и выставлять своих кандидатов на выборах, которые новая конституция, наконец, согласилась сделать равными, всеобщими и тайными. Но в таком случае не превращаются ли прокламированные свободы в фикцию? Не становится ли «самая демократическая в мире конституция» диктатурой одной партии, едва прикрытой демократическими фразами?

Ибо свобода, как сказала великая революционерка Роза Люксембург в своей критике большевистской диктатуры 1918 г., всегда свобода для инакомыслящих. Ибо истинным содержанием всякой конституции с точки зрения свободы является тот объем прав и возможностей свободной политической самостоятельности, который на деле предоставляется борющейся против правительства оппозиции.

Фашизм является принципиальным отрицанием свободы, хотя и в фашистских конституциях красноречиво говорится о правах и вольностях граждан, хотя и там населению представляется «право тайного голосования». Но действительная философия фашизма гораздо вернее, чем в лицемерных параграфах бумажных

ЗАГРАНИЧНАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ Р. С. Д. Р. П. РЕКОМЕНДУЕТ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ И СОЧУВСТВУЮЩИМ ПРИОБРЕТАТЬ И ВЫПИСЫВАТЬ ВСЕ ГАЗЕТЫ, ЖУРНАЛЫ И КНИГИ ЧЕРЕЗ КНИЖНО-ГАЗЕТНОЕ БЮРО ПРИ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ВЕСТНИКЕ».
БЮРО ВЫПОЛНЯЕТ ВСЕ ЗАКАЗЫ ПО ЦЕНАМ ИЗДАТЕЛЬСТВ.

конституций, сформулирована в знаменитом заявлении Муссолини: У меня многие просят хлеба, у меня никто еще не просил свободы!

Но разве может усвоить себе эту философию партия, предпринимающая грандиозную попытку построения социалистического общества в огромной стране? Разве может укрыться за этими жалкими трусливыми оговорками движение, сознавшее, наконец, и прокламировавшее на весь мир, что для построения социализма нужно развязывание свободной самостоятельности трудящихся и «политической активности народных масс»?

Проект новой конституции является во многих отношениях моральной победой тех принципов и идей, которые в течение долгих лет с неослабевающей настойчивостью и огромными жертвами отстаивала наша партия. Отнюдь не считая себя непогрешимыми и не закрывая глаз на свои ошибки в прошлом, мы и сейчас убеждены, что на пути, указанном нами, и на котором сейчас, по крайней мере в принципе, становится советское правительство, было возможно более прочное и устойчивое, бесконечно меньшим количеством жертв и крови купленное приближение к социализму. Введенные, хотя бы и запоздалым, но честным и искренним, принципов пролетарской демократии, власть может искупить многие из своих прошлых ошибок, может залечить многие из ран, которые она нанесла стране, может исторически оправдать и закрепить многое из того, что ею достигнуто.

Мы считаем серьезным шагом вперед самое создание конституции, берущей на себя, хотя бы только в принципе, столь далеко идущие обязательства перед народными массами. Мы будем приветствовать всякое действительный шаг на пути выполнения этих обязательств. Но лишь безоговорочное проведение в жизнь во всей своей полноте, прокламированного в конституции принципа свободной «политической активности народных масс», лишь распространение его на все самостоятельные организации трудящихся, лишь действительная замена системы однопартийной плебисцитарной диктатуры, по необходимости связанной с продолжением террора и несвободы, системой демократии трудящихся на основе добровольной революционной дисциплины, придаст новой конституции то поистине историческое и мировое значение, которое она может иметь и для судеб русской революции и для развития социализма во всем мире.

За первым шагом должны последовать другие. За опубликованием проекта должна последовать амнистия для всех тех, которые пострадали за то, что пытались самовольно осуществить те права и свободы, которые конституция им ныне предоставляет на основании закона. За прокламированием политических прав должна последовать легализация политических организаций, которые одни только в состоянии реализовать предоставленные права.

Во имя интересов мирового единства пролетариата во имя демократии и для спасения революции необходимо устранить положение, при котором одна статья конституции сводит на нет все остальные 145, при котором великий документ может быть превращен в фантовый листок для прикрытия диктатуры.

Исторический документ

По постановлению Президиума ВЦИК'а одобрен и опубликован, наконец, тот проект новой советской конституции, о котором, предупреждая события, ходила молва уже целый год.

Документ этот войдет в историю, — говорю это без всякой иронии, — как своими положительными, так и отрицательными сторонами, как в том случае, если в своей основной части будет проведен в жизнь, так и в том случае, если, паче ожиданий, окажется мертворожденным продуктом бюрократического творчества. Но он знаменует собою поворотный пункт в развитии диктатуры, новую веху в истории гигантской революции, вот уже 19-ый год потрясающей одну шестую часть земного шара.

Льстецы и наивные энтузиасты поспешили об'явить новую конституцию «самой демократической в мире». Это — большое преувеличение. Но правда то, что при известных изменениях и при определенной внутренней эволюции этот документ мог бы стать правовой основой государства, развивающегося к социализму. Будут ли проведены эти изменения, создастся ли необходимая внутренняя эволюция, — вот в чем вопрос.

В европейской печати неоднократно высказывались сомнения, что проектируемая Сталиным демократизация советского строя является своего рода камуфляжем, чисто внешней маскировкой, продиктованной, с одной стороны, желанием создать (в целях внутренне-политического умиротворения) какой-то видимости политический уступок, с другой стороны — приспособлением к политике Народного Фронта и заигрывания с западно-европейскими демократиями, которая за последние два года усвоена советской внешней политикой. Нет сомнения, что все эти элементы имеются налицо и в опубликованном проекте и, в особенности, в официальных и неофициальных комментариях к нему. Но есть нечто неизмеримо более серьезное и глубокое как в намерениях творцов новой конституции, так и в осознании в том об'ективном значении, какое эта конституция несомненно будет иметь и помимо воли авторов.

Тот никогда не поймет специфических основ большевистской тактики, кто не отдаст себе отчета в том, что она всегда движется по своеобразной диалектической системе, системе противоположных крайностей и народного «перегибания палки в обратную сторону». Буржуазия в своей «Экономике переходного времени» пыталась подвести под эту тактику научно-философское обоснование. Чтоб созидать, надо сначала довести до крайнего предела процесс разрушения; чтоб внести порядок и систему, надо сначала до крайних пределов разрушить и разнуздать стихию. Эти качания маятника на протяжении 180° отнюдь не являлись всегда следствием сознательно продуманного плана: они чаще всего сами собою вытекали из прочно усвоенной большевиками тактики, из специфического характера большевистского подхода к механике народных движений. Но чем больше крепла и упрочивалась власть большевистской диктатуры, чем больше государственного опыта приобретали ее органы, тем большее место в этой тактике занимали элемент плана и сознательного намерения. «Геологический поворот» индустриализации и коллективизации был проведен Сталиным по старому большевистскому рецепту, с разнузданием до крайних пределов всех стихийных сил, с полным пренебрежением к человеческим материальным жертвам, с погоней за количеством в ущерб качеству, и всеми прочими обычными в таких случаях атрибутами. Теперь наступает время — унять

стихию, ввести ее в берега, создать условия для более рационального использования и ведения созданного «геологическим» путем гигантского производственного аппарата. Начинается «воспитание кадров», «борьба за качество» и техническую рационализацию (стахановщина). Маятник стремительно движется в обратную сторону, в сторону создания — конечно, в рамках все той же диктатуры! — какого-то правопорядка. Взбаломученное сплошной коллективизацией и второй гражданской войной крестьянское море оставило после себя, войдя в колхозные берега, бесчисленные островки глухого сопротивления беззаконию, насилию, произволу местных диктаторов, самодуров, «использователей революции». Бессистемность сверхиндустриализации и горячка строительства создали бесчисленные центры бесхозяйственности, беспорядочности, расточительности и злоупотребления. Головка диктатуры и обслуживающая ее центральная бюрократия, понимают невозможность длительного существования подобного «порядка». Перед лицом грозной надвигающейся военной опасности, в условиях беспримерно низкого уровня жизни, на котором до сих пор еще, несмотря на всю похвальбу с «зажиточной жизни», прозябает основная масса крестьян и рабочих, хозяйский расчет диктатуры подсказывает ей необходимость приостановить все «ненужные издержки», положить конец бесхозяйственности и расширению материальных благ, прекратить то состояние, при котором ненужный уже диктатуре производ местных сатрапов создает новые внутренние трения, на преодоление которых приходится затрачивать так много ценной политической и общественной энергии. Центральная бюрократия против местной, целеустремленной руководящей аппарат диктатуры против тысячеголового хаоса мелких диктаторов, — таков более глубокий смысл происходящего сейчас в Сов. Союзе процесса своеобразной демократизации.

Подобно тому, как консервативный аристократ и анти-демократ Бисмарк был вынужден прибегнуть к институту всеобщего избирательного права для того, чтобы охранить единство германской империи от сепаратизма германских князьков, так теперь принципиальный сторонник диктатуры Сталин должен был извлечь из архивов давно забытую «четырёххвостку» и тайное голосование, чтобы обеспечить организованное и рациональное функционирование государственного аппарата, обремененного сейчас небывало сложными функциями, и предохранить его от анархии и «революционного» своеволия «низовых» сатрапов. «Бич всеобщих и тайных выборов» нужен Сталину, как он сам заявляет, прежде всего для того, чтобы очистить аппарат от непригодных, хотя бы и «партийных» элементов, для того, чтобы мобилизовать (не-политическую, конечно) энергию масс для отбора наиболее пригодных сил, хотя бы из «беспартийных».

Но помимо этих чисто-государственных соображений, установление какого-то стабилизированного правопорядка с охраной по-революционной собственности, с какими-то начатками общественного контроля над судом и администрацией, с какими-то минимальными гарантиями личности против самодурства местных помпадуров, лежит в интересах самой бюрократии в широком смысле слова, всех тех миллионов, которые в процессе революции и благодаря ей поднялись вверх по социальной лестнице, «устроились», достигли какой-то степени советской зажиточности. Для них, не претендующих на политические свободы и права, эта новая конституция дает то «закрепление» революционных завоеваний,

к которому они уже давно стремились, и о котором давно уже мечтали в тиши ночной.

Если прибавить к этому продиктованную и общим состоянием страны и, в особенности, наростанием военной опасности потребность власти в каком-то сближении с массами народа, особенно крестьянства, — то мы получим всю сумму тех весьма серьезных и реальных мотивов, которые заставили большевистскую диктатуру и обслуживающую ее бюрократию не только пойти на путь конституционных реформ, но и искренне стремиться к проведению в жизнь некоторой их части.

**

Конечно, все это — в известных рамках и только до известных, довольно узких, пределов, определяемых заботой о полной неприкосновенности существа самой диктатуры. В этом смысле проект новой конституции не оставляет никакого сомнения в истинных намерениях его авторов. При всем стремлении к сугубой «демократичности», при всех тех положительных сторонах, которые в новом проекте безусловно имеются (выборное начало, тайное голосование, усиление независимости суда, большая охрана собственности и неприкосновенности личности), новая конституция Советского Союза не только полностью сохраняет и легализует то фактическое состояние однопартийной диктатуры и абсолютной монополии Компартии, которое создано за 19 лет большевистской революции, но его формально усиливает и укрепляет. В этом смысле новая конституция принципиально, с точки зрения демократии, представляет собою несомненный шаг назад по сравнению с конституцией 1918 года. Не требуется особенной глубины анализа, чтобы убедиться, что статья 126 одним из основных законов конституции устанавливает обязательную руководящую роль Компартии (и только о компартии, как единственной, допускаемой законом политической партии) не только в так наз. «общественных организациях», — как профессиональные союзы, кооперативы, организации молодежи, культурные и научные общества, — но и во всем государственном аппарате. В старой советской конституции гарантия свобод и прав распространялась также и на политическую жизнь. Советский закон, не только в принципе, но, как мы знаем из собственного опыта, до 1921 года и на практике допускал существование, наряду с компартией, и других политических организаций трудящихся. По новой же конституции свобода политической деятельности и политическое высказывание устраняется для каких бы то ни было групп и организаций, кроме компартии. Как бы либерально и широко ни толковать ст. 125, она допускает, повидимому (разумеется только в принципе!), некоторую свободу индивидуального мнения или высказывания и по политическим вопросам, но, в сочетании со ст. 126, определенно исключает объединение политических единомышленников вне рядов официальной ВКП. Население Советского Союза, поскольку речь идет о политической деятельности и самодеятельности, рассматривается, как распыленная, атомизированная масса индивидумов, как сумма «отдельных посетителей», которым «скопляться» для формирования политической мысли и пропагандирования своих взглядов никоим образом не разрешается. Как более подробно указано в передовой статье этого номера, названные статьи нового проекта фактически сводят на нет все гарантированные «самой демократической конституцией в мире» политические права и вольности.

Конечно, поскольку речь идет о фактическом положении, то в этой новизне слышится вся старина последних 15-ти лет. Но до издания новой конституции прак-

тика большевистской диктатуры находилась в противоречии с ее теорией. Принципиально о старой советской конституции являлась гораздо более демократической и либеральной, чем соответствующий раздел конституции новой. Следы такого реакционного движения вспять от принципов рабочей или советской демократии можно найти и в целом ряде других пунктов. Так, исчез куда-то лозунг «свободы национального самоопределения вплоть до отделения». Или по старой конституции принципиальное право отдельных частей СССР на выход из Союза еще признавалось (хотя практического пути для этого уже и признавая конституция не давала), то по новой конституции даже принципиальная постановка такого вопроса не ключается. Столь же бесследно пропал и другой, только принципиально, но и практически важный пролетарско-демократический принцип: свобода стачек! Ни одна из статей проекта не дает рабочему или крестьянину возможности, в борьбе с самовластием заводских самодержцев, прибегнуть к мерам пролетарской самообороны, наиболее острой формой которой является право на стачку.

Выветрился из советской конституции дух революционной вольницы, дерзание эпохи бури и натиска, тот нетаранный размах розовой туманной юности. Но если в этом можно пожалеть с точки зрения отвлеченной эстетики, то исчезновение из текста конституции ряда теоретических положений, которые за все время революции в жизни страны все равно не играли никакой роли, не может определить нашего отношения к новому проекту. Основным вопросом является: представляет ли собою новая конституция по своей совокупности, практическое приближение к демократии? Можно ли ожидать, что теми своими статьями, осуществление которых диктуется интересами самой диктатуры, конституция на деле увеличит сумму свобод и прав советских граждан?

**

Мы видели уже, что в чисто политической части конституция не дает и даже не обещает ничего нового по сравнению с существующим ныне положением. Мы слишком хорошо знакомы с практикой советской «свободы прессы и полиции», для того чтобы не понимать, что в отношении к политическим противникам и к самим многообещающим гарантиям прав и свобод протворятся в фикцию, еле прикрывающую традиционное бесграничное самовластие ГПУ. И сколько бы статья 127 ни требовала «постановления суда или санкции прокурора» для производства арестов, и сколько бы статья 128 ни гарантировала «неприкосновенности личности и тайны переписки», вся реформа повидимому сводит к тому, что агенты ГПУ будут всегда иметь при себе заранее подписанные прокурором бланки, которые им останется только вписать имена арестовываемых.

Но действительное и, как мы указали выше, истинное значение новой конституции лежит не в ее политической части. И сколько пробелов эта конституция ни обнаруживала бы в формулировке «всеобщей хартии вольностей», сколько бы черт сходства с организацией «тайных» выборов при однопартийной системе и всевластии политической полиции ни имела «плебисцитарной демократией» типа Гитлера или Муссолини, она тем не менее, по нашим представлениям, должна будет явиться реальным и весьма значительным шагом вперед с точки зрения фактического положения дел.

Пятнадцать лет подряд советская страна живет в обстановке, в которой понятия законности, гарантии личности и свободы превратились в какое-то совершенно отвлеченные, ирреальные понятия. В течен-

полтора десятилетий 150 миллионов советских граждан чувствовали себя лишь объектами гигантских экспериментов и опытов, о которых их мнения никогда не спрашивали. Целые поколения выросли в твердом сознании, привитом им всей практикой повседневной жизни, что они являются «тестом в руках месителей», что никаких других «прав», кроме права покорно следовать директивам и приказам всемогущей власти, они не имеют. Догмат о ничем не ограниченных полномочиях власти, ни-де не контролируемой, кроме органов всемогущей, всеведущей «партии», — догмат этот вошел в плоть и кровь, стал всасываться советскими детьми в молоко матери. Режим абсолютного бесправия стал восприниматься населением СССР, как нечто нормальное, неизбежное, неустранимое, — как неизбежны и неустранимы снежные заносы в северной зиме, и неизбежны и нормальны зыбучие пески в степях Туркестана. Кто еще помнил, кто еще реально представлял себе в России, что где-то имеется какая-то конституция? В 1918 года, «гарантирующая» всем советским гражданам, живущим трудом своих рук, все только мыслимые права, вольности и свободы?! Старая конституция со всеми ее достоинствами давно уже превратилась в Россию в «пропавшую грамоту», которую никто больше уже и не розыскивал.

И вот вдруг, в необычайно торжественной обстановке, населению, забывшему и думать о каких бы то ни было «правах», в 15-ти миллионах экземплярах, на 11 языках предподносится (за подписью Сталина!) документ, сверкающий всеми цветами демократической радуги, исполненный заманчивых, почти невероятных по своей щедрости и широте обещаний. Гарантируется личная собственность, неприкосновенность личности и жилищ, тайна переписки, свобода общественных организаций, печати, слова, собраний. Устанавливается вы-борность и независимость органов суда и прокуратуры, тайные и прямые выборы для всех без исключения граждан во все без исключения законодательные учреждения и органы самоуправления, с забвением «прошлой деятельности» и даже «социального происхождения». Человек, искушенный в политике, знающий с политической жизнью демократических стран, сразу вскроет слабые места и внутренние противоречия всех этих «свобод». Он скептически отнесется к возможности организовать действительно тайные и честные выборы при отсутствии партий и их взаимного контроля. Кто сможет выставлять действительно независимые кандидатуры? Кто будет контролировать подлинность бюллетеней? Как можно будет добиться управы на коммунистического вельможу при фактической диктатуре компартии во всех органах власти? Эти и десятки других вопросов может без труда поставить каждый политически сознательный человек. Но ведь средний советский гражданин будет сравнивать те блага, которые ему дает нынешняя конституция, не со строем демократических стран, а с той действительностью, которая царит в Советском Союзе до сих пор. Он будет считать новые советские выборы не масштабами Англии, Франции или Швейцарии, а путем сравнения их с теми выборами, которые он знал до сих пор, с открытыми выборами, путем поднятия рук, на предприятиях. Конечно, нынешняя «неприкосновенность личности» или «тайна корреспонденции» будет еще очень далека от идеала. Но скольким злоупотреблениям местных сатрапов и сатрапиков население сможет положить предел, если им в нос соответствующими статьями новой, Сталиным подписанной, конституции! Мы все знаем, какую роль в свое время сыграл в самый разгар коллективизации номер «Правды» со статьей Сталина «Оловокружение от успехов»! Во сто крат большую роль сыграет, конечно, новая конституция, когда она

будет принята и торжественно возведена народу! Ведь даже иллюзия, овладевшая миллионами умов, становится реальной силой, — учил нас Карл Маркс.

А между тем, новая конституция создаст не только иллюзии. Она откроет, правда, очень узкие, но все же реальные щели, через которые, невзирая ни на какие плотины, прорвется политическая самостоятельность населения. О, конечно, эта деятельность не будет ни осознанной, ни оформленной, ни открытой. Она будет вестись в изуродованной, замаскированной, косвенной форме. На выборах будут выступать друг против друга не платформы, мировоззрения, концепции. Но та подпочвенная, глухая, всем социальным развитием предопределяемая политическая борьба, которая неизбежно разгорится и в советском якобы бесклассовом обществе, сумеет использовать для своих целей и борьбу Степана против Ивана, — ту единственную легальную форму избирательной борьбы, которую советская конституция допускает. Выгнанная через дверь, политическая борьба вернется через окно.

При всем своем стремлении не допустить формирования политической мысли вне рамок официальной ВКП, при всем своем стремлении превратить население СССР в человеческую пыль, лишенную политических связей и интересов, — новая советская конституция на деле создаст десятки тысяч кристаллизационных пунктов, вокруг которых начнется формирование зачатков политического сознания и политических связей.

В этом гигантское прогрессивное значение новой конституции. Но в той искаженной, изуродованной, загнанной в подполье форме политического прогресса, которая навязывается населению новой конституцией, таятся и великие опасности. Неизбежная политическая эволюция, необходимое воспитание политической и общественной самостоятельности протекало бы в гораздо более нормальных условиях, в гораздо большей степени предохраняло бы революцию от подводных мелей и опасностей, если бы советское правительство нашло в себе достаточно силы и мужества, чтобы вступить на путь открытого раскрепощения политической организации и политической самостоятельности масс.

Р. Абрамович.

В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно получить в следующих киосках Г А Ш Е Т Т:

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champ-Élysées.
- 9) 10, bd de la Madeleine.
- 10) Pl. de l'Étoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Neuve.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELIER, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETIE, av. des Champ-Élysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кроме того отдельные №№ продаются в конторе журнал от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа.

Классы в Советской России

Некогда К. Маркс писал, что «буржуазные конституции содержат свободу в общей фразе, а упразднение ее в оговорке». Проект новой советской конституции также содержит в своих параграфах и признание свобод и их отрицание. Гражданам гарантируются политические свободы: слова, печати, собраний, организаций и пр., и пр. (статья 125), но в придаточном предложении следующего же параграфа фактически запрещаются всякие политические организации, кроме ВКП.

Это основное положение новой конституции исходит из того, что «в СССР ликвидированы классы» и что поэтому нет нужды в других партиях, кроме ВКП.

Мы оставляем пока в стороне голословное утверждение, что единственным представителем политических интересов всех сознательных трудящихся должна быть именно ВКП. Сейчас мы хотим проанализировать современную советскую действительность, чтобы ответить на основной вопрос: ликвидированы ли в СССР классы?

Современный СССР, конечно, не имеет обычных классовых делений капиталистического общества. Дворяне, фабриканты, купцы, помещики, духовенство — эти социальные классы и слои, некогда занимавшие господствующее положение и в России, сейчас в СССР совершенно исчезли, и этим существенно изменили социальную структуру страны.

После лет индустриализации существенно увеличился удельный вес рабочего класса. Изменился и качественный его состав. Повысился процент квалифицированных. Кроме обычного притока первоработающих из деревень, в рабочую среду влились выходцы из бывших свободных профессий и бывших привилегированных классов.

Внедрение коллективизации существенно изменило социальный лик и крестьянства. Свыше 89% крестьянства, превратились в настоящее время в колхозников, и вся их хозяйственная деятельность, весь их быт протекает в условиях, хотя и не свободного, но все же коллектива.

Две социальные группировки былой России: чиновничество и свободные профессии в современном СССР слились в многочисленный слой советских служащих.

Кроме того, осколки бывших классов, не окончательно уничтоженные и в настоящее время легализованные: единоличники, кустари и ремесленники, еще и сейчас составляют в СССР довольно значительный слой, охватывающий, по исчислению советских экономистов, свыше 10% населения.

Таким образом, из старых социальных группировок сохранились в СССР, по крайней мере, четыре: рабочие, крестьяне, государственные служащие и мелкие городские и сельские предприниматели. Переплававшись в огне революции, подвергшись влиянию всех социально-экономических реконструкций последних лет, эти социальные группировки, хотя и существенно изменились качественно, но все же остались классами и слоями с особыми интересами.

Рабочий класс сделался более концентрированным на гигантских предприятиях. В годы гражданской войны на него выпала главная задача обороны революции и восстановления государства. В общих условиях лишений и нужды он в целом занимал привилегированное правовое положение. Из его среды за годы революции выделилось немало представителей в верхний правящий слой. Но в массе, несмотря на все политические привилегии, рабочий класс за все годы революции не вы-

ходил из очень тяжелого состояния нужды и лишь час находится у грани возможного улучшения жизненного уровня класса в целом. По прежнему рабочий класс живет продажей своей рабочей силы, с той существенной разницей, что орудия производства делятся во владении не частных предпринимателей, государства. Хозяином средств производства рабочий класс СССР не стал объективно и он не ощущает себя таким и субъективно.

На долю крестьянства выпали со времени генеральной линии наибольшие тяжести. Принудительное отнятие хлеба, раскулачивание, насильственная коллективизация, превращение в объект гигантской реконструкции. Только сейчас, после существенных уступок власти после начавшегося роста благосостояния, оно начало массе примиряться с колхозным строем и оценивать положительно хозяйственные и социальные преимущества новой системы. Опыт долгих лет революции повысил культурный уровень крестьянства и научил его все действительным методам сопротивления и борьбы за свое право на продукт своего труда.

Крестьянство перестало быть старым единоличным крестьянством, оно всем строем своей жизни связано со своими со-колхозниками, оно осознает свои общие интересы. Но оно не перестало быть крестьянством, ярче всего сказалось в том единодушии и упорстве, которым оно отстояло свое право на распоряжение продуктами своего труда. Сейчас после уступок власти оно начинает оправляться от тяжелых лет и подыматься хозяйственно. Но крестьянство имеет еще очень большой счет, который оно при всяком случае предъявит власти. Впереди еще очень суровая борьба за иное распределение произведенного в стране социального продукта, за уменьшение налоговых тягот, за увеличение доли продукта, остающейся в распоряжении самого крестьянства, за более рациональное соотношение цен промышленных и сел.-хозяйственных продуктов, за активное и реальное участие в определении общей политики.

Но кроме старых классов в современном СССР постоянно оформляется и новая социальная группировка охватывающая все элементы правящих верхов. Точные размеры и грани этой группировки, как всегда в переходный период, определить невозможно. Она охватывает всех в той или иной форме причастных к власти, от низших ступеней партийного и советского аппарата до членов ЦИК'а и членов ЦК ВКП. Пока еще эта социальная группировка не является замкнутым социальным слоем, но практика показывает, что, как правило, раз выдвинувшиеся или выдвинутые в верхний правящий слой, обычно в этом слое и остаются, иногда повышаясь, иногда снижаясь в своем положении.

Конечно, советскую правящую бюрократию нельзя еще считать оформившимся классом, так как ее положение в производственном процессе еще не достаточно кристаллировалось. Орудия производства принадлежат не отдельным представителям партии или исполкомов государства, но всякий внимательный наблюдатель советской жизни не может отрицать, что и материальное положение и бытовые условия правящего слоя несомненно, меримо благоприятнее, чем остальных граждан. Но главное, эта социальная группа и только она имеет некоторую возможность определять общую политику страны, только она является участником политики, а не объектом политики Сталина.

Но быть может различия между классами современного СССР настолько ничтожны, что могут считаться

лишь оттенками в пределах одного и того же единого класса, а не выражением потребностей различных классов. Конечно, материальный уровень благосостояния в СССР в среднем столь невысок, что известная нивелировка по сравнению с досоветским периодом произошла. Но это обстоятельство не свидетельствует о ликвидации классовых различий, ибо существенно не временное сглаживание классовых противоречий, к тому же сейчас быстро сменяющееся на свою противоположность, а существование в хозяйственной структуре страны определенных социальных отношений, предопределяющих классовое расслоение.

Интересно отметить, что более серьезные советские экономисты, напр., В. Милютин, Стецкий, считают нужным подчеркнуть, что в СССР еще сохранились глубокие материальные и социальные различия между трудом, напр., городского пролетария и сельского колхозника или между трудом умственным и трудом физическим. Они предостерегают от того, чтобы понимать сталинское выражение «классы в СССР ликвидированы», как признание ликвидации в СССР классовой борьбы. Оберегая авторитет вождя и основной устой новой конституции, они находят выход в софистике: утверждение «классы ликвидированы» — надо понимать в том смысле, что судьба этих классов бесповоротно решена. Они будут ликвидированы, но пока еще существуют, хотя все, кроме пролетариата, находится в упадочном состоянии.

Мы же думаем, что в настоящее время классовые различия определились более отчетливо и устойчиво, чем это было в период генеральной линии. Тенденция последних лет, — а важна в переходный период именно тенденция, — направлена в сторону укрепления социальных отношений, порождающих классовые различия и дифференциацию внутри классов.

В период генеральной линии и крестьяне — единоличники и городские частники были более многочисленны, чем сейчас. Но они были в состоянии полной обреченности и деградации. Теперь же колхозник отвоевал всерьез и надолго право на существование своего частного усадебного хозяйства. И оно, быстро прогрессируя, отвоевывает свое место не только в бюджете деревни, но и в прокормлении городов. Крестьяне получили право на сбыт на рынках своей продукции. Тогда в городах господствовала поравниловка, карточное распределение всех продуктов. Теперь городское население, даже состоящее на государственной службе, дифференцировалось на группы с совершенно различной материальной обеспеченностью. От рабочих, получающих не свыше 200 руб., до квалифицированных рабочих, получающих по 800-1000 рублей и до инженеров, получающих по 3-10 тысяч рублей в месяц.

Быстрое расслоение в деревне и в городе — явление типичное для последних лет. Конечно, в современном СССР положение и интересы классов еще не так полярны, как в капиталистическом мире. Но отрицать, что классовое разделение в СССР не только факт, но и факт прогрессирующий, совершенно невозможно.

Новый проект конституции прямо легализует и частное хозяйство крестьянина-колхозника и его право на сбыт продукции и право на существование и хозяйственную деятельность кустаря и ремесленника.

Поскольку в процессе производства разные социальные группировки играют различную, а часто и антагонистическую роль, постольку и классовые деления не только существуют сегодня, но и предопределены на завтра.

Такова первая и основная ошибочная социальная теория, на которой построена новая конституция.

Но мы не можем оставить без освещения и другой ложной теории: «один класс — одна партия». Даже ес-

ли бы в СССР все население действительно постепенно сливалось в один класс, вывод о необходимости одной партии был бы ошибочен.

Теоретики научного социализма Маркс и Энгельс неоднократно указывали, что единая партия будет выражать интересы всего населения только на самых высших ступенях заверщенного социализма. Но тогда умрут, уйдут в небытие, не только классы и партии, но и самое современное государство. Но и Ленин считал, что в условиях капиталистического мира и в период строительства социализма в среде пролетариата еще долго будут сказываться различные пережитки и тех социальных групп, из которых пролетариат вербуются и различные степени культурности и классового сознания. Этим объяснялось наличие оппозиционных течений внутри ВКВ и множественность партий в среде европейского пролетариата.

Сейчас, утверждая, что СССР находится лишь в первых стадиях строительства социализма и делая, поэтому, уступки частно-хозяйственным интересам крестьянства, и одновременно выдвигая положение, что СССР уже достиг такой степени ликвидации классов, когда интересы всего населения, и пролетариата и крестьянства, может защищать одна партия ВКП, большевики попадают в неразрешимое противоречие.

Параграф о монопольности ВКП находится в странном противоречии со всем духом новой конституции. Впредь население СССР будет суверенно; все вопросы будут решать народные представители и даже народный реферандум. Если действительно социальной структуре СССР соответствует одна партия и таковой должна быть ВКП, то население страны это выявит с полной очевидностью. И тогда к чему запреты?

Нет, в СССР классы еще не ликвидированы. Но в условиях новой конституции предоставление различным политическим группировкам трудящихся права на самоорганизацию и политическую борьбу могло бы содействовать столь необходимому соглашению между трудящимися города и деревни.

А. Югов.

Максим Горький

Смерть Горького вызовет особую переключку, которая всегда возникает между современниками перед концом большого общественного культурного явления. По разному относились широкие слои рабочего класса, социалистической и демократической интеллигенции к Горькому у нас и на Западе, разные чувства всколыхнет его смерть.

Для широких читательских кругов Запада Горький величайший революционный писатель современности, не только воплощение победоносного революционного режима, увенчанного его имя признанием и славой. Важнее то, что эти читательские круги видят в Горьком олицетворение живого порыва самой революции, той ее первой могучей волны, которая, зародившись в глубинах народного океана, домчалась до скалистых берегов старого режима и окатила его острыми и дерзкими брызгами «Буревестника». Пусть реальный образ этого замечательного художника не всегда отвечал этим представлениям. Чувства, которые он сумел пробудить к себе и революционно-творческим силам, дремлющим в общественных низах, — большие, неумиряющие чувства, которыми одушевлен весь борющийся социализм.

Этими же чувствами в течение десятилетий определялось и отношение к Горькому русских социалистических и демократических кругов. В 1927/28 гг., когда

Горький окончательно решил связать свою судьбу с режимом диктатуры, между ним и демократической и пролетарско-социалистической интеллигенцией произошел разрыв, острота которого свидетельствовала прежде всего о том, как дорог был ей Горький. Да вряд ли и Горькому, вернувшемуся в Союз из добровольной эмиграции, удалось действительно вырвать из памяти лучшие страницы своего литературно-политического прошлого. Об этом очень убедительно говорит его большая хроника-роман «Клим Самгин», задуманная как разоблачение революционной интеллигенции, единственное произведение, написанное Горьким по возвращении в Союз.

Поставленный перед альтернативой — либо принять режим диктатуры со всеми его «мерзостями», либо остаться в эмиграции, художник в Горьком услужливо напомнил ему, что ведь он всю свою жизнь «чувствовал себя не на своем месте среди интеллигенции» («Мои университеты»). Это чувство действительно возникло в Горьком очень рано, в Казани, когда он впервые познакомился с кружками революционной молодежи. Он тогда скоро ушел от нее в новые странствования, захватив за пазуху камешек мелкой обиды. Не расстался он с ним и позже, когда вновь вернулся в среду революционной интеллигенции. Вот этот камешек на закате жизни Горький и решил осмыслить, как художник. Роман постигла двойная неудача: молодое пореволюционное общество официально вежливо одобрило произведение, но внутренне прошло мимо него. Оно не заинтересовалось застарелой тяжбой Горького с интеллигенцией, которая составляет «душу» романа. Оно отнеслось к этой тяжбе так, как относится молодежь, когда по намекам, рассеянным в листах обемистой переписки давно умерших родителей случайно узнает о каком-то конфликте, который омрачил дни их далекой юности. Живее и страстнее была реакция старшего поколения дем. интеллигенции. В «Климе Самгине» она не без основания почувствовала неудачный и тягучий памфлет на себя. В самом деле, разве может Клим Самгин, влюбленный в себя интеллигент из периода общественной реакции, в какой-нибудь мере претендовать на роль представителя революционной интеллигенции? Увы, этот последний роман Горького, при всем обычном блеске отдельных зарисовок, мелок в целом.

Но сейчас, мысленно стоя над могилой Горького, не стоит задерживаться на этой его старой тяжбе. Сейчас хочется подумать о нем в целом. А это значит еще раз подумать над конфликтом, который произошел у Горького с пролетарско-социалистическими элементами страны и который вызван был разрывом Горького с демократическим социализмом.

В отличие от конфликта со старой демократической интеллигенцией, обсуждавшегося шумно, запальчиво и страстно, конфликт с пролетарско-социалистической частью нового общества был загнан в глубину, выявляясь лишь изредка и косвенно то в виде письма Истрати к Горькому по поводу режима преследований и травли инакомыслящих, то в виде робкого пожелания группы рабочих, чтобы писатели писали о них так, как писал прежний Горький, то, наконец, в виде тапудической полемики на верхах советской критики, спешно ревизовавшей прежде общую для всей марксистской критики оценку Горького, как талантливейшего выразителя революционного мещанства. Но лучше и полнее всего о сущности этого конфликта говорят не эти разрозненные факты, а произведения самого Горького, потому что они дают возможность предвосхитить самую неизбежность этого конфликта.

Эти произведения свидетельствуют о том, что в гораздо большей степени чем зачинателем пролетарской

литературы, Горький был первым русским писателем, которому удалось наладить живую связь между революционной интеллигенцией и массой городского мещанства, всея гущей трудового народа. В этой необъятной «уездной России», на ее ярмарках и толкучках гуляла веселая — в шапке на бекрень — молва о том, где-то на верхах общества, «среди господ» живет «свой» писатель, достигший больших почестей и богатства тем, что пишет о низах и босяках. Очень хорошо об этом вспомнил Всеволод Иванов в «Похождениях факира». Эта молва изумляла, восхищала, наполняла радостной гордостью безвестные массы трудового люда. Горький был и первым писателем, которому удалось широко проникнуть на базарный лоток, залитый литературной сивухой авантюрных романов — «по пяточку за пазуху», при помощи которой утоляли массы свою жажду в просвещении. Судя по довольно многочисленным отзывам советских писателей, данных не по случаю его юбилея, а попутно оброненных в различных воспоминаниях, первая встреча с Горьким у базарного лотка оставляла неизгладимый след в душах этого городского люда.

Массы всегда щедры в своих чувствах. В начале революции, когда Горький еще очень оспаривался на коммунистических верхах и не был в почете у казенной критики, эти массы по-своему отблагодарили Горькому: именем «Максима» они назвали товарно-пассажирские поезда. Глядя на такой поезд, до откачу набитый мешечниками, солдатами, обывателями — всеми этими безвестными друзьями Горького, ставшими знаменитыми героями его произведений, часто думалось: насколько этот подвижной, вздымающийся, чертыхающийся, кипящий всеми человеческими страстями памятник монументальнее и величественнее тех, что украсят площади и улицы многих городов!

Но, щедрые в своих чувствах массы, создавшие Горькому его широкую популярность, едва ли когда-нибудь задумывались над тем, какой огромной, упорной, воистину Горьковской, а вовсе не стахановской работой прокладывал он путь в читательские сердца.

Изумительна по широте охвата была и работа Горького, проделанная им с начинающими писателями. Архивы русских писателей вообще богаты, но вряд ли у кого-нибудь, кроме, разве, Островского и Короленко, был такой архив, какой накоплен Горьким в результате его общения и кропотливой работы с молодыми писателями. Это подлинный эпистолярный Клондайк, издание которого будет большим вкладом в историю общественной жизни эпохи двух революций. Горький — Ломоносов советской литературы и, как нельзя было отставить Ломоносова от Академии, так нельзя отставить и Горького от советского периода русской литературы. Глубоко справедливо оброненное несколько лет назад замечание Ольги Форш, что, когда вступило в силу «его правительство», когда русской якобинской революции выкорчевывались не только остатки феодально-сословного порядка, но поощряемая сверху стихия разрушения стала посягать на ценнейшие побеги культуры и искусства, Горький «лег мостом между ними (т. е. советским правительством) и нами. Сейчас позабыли, но мы все прошли по нему».

Отношения Горького к культуре гораздо сложнее, чем это кажется на первый взгляд. Жила в Горьком изувеченная привязанность к «культуре в общице», до конца понятная только тем, кто, как он, в ранней юности захлебывался в смраде косности, тупости и бескультурия. Он любил книгу так, как любит дикарь первый каменный молоток. Вот почему, защищая культуру, он часто бывал наивен, старомоден и сентиментален, и в какой-то степени ему действительно

ZEITSCHRIFT FÜR SOZIALISMUS

Die wissenschaftlich-theoretische Monatsschrift der deutschen Sozialdemokratie stellt sich die Aufgabe, den Kampf gegen das Hitler-Regime und die Ausübung der Macht in einem befreiten Deutschland geistig vorzubereiten. Revolutionär nicht nur in der Bekämpfung des Gegners, sondern revolutionär auch in der rücksichtslosen Kritik an der eigenen Bewegung, setzt sie sich ihre Ziele: In freier Diskussion die grossen Probleme des Sozialismus und seiner Verwirklichung zu erörtern, aus der Blosslegung der Fehler in der Vergangenheit zu lernen und durch Analyse der Gegenwart die Gestaltung der Zukunft vorzubereiten.

Bezugspreise: Einzelheft — Fr. fr. 3.50; 1/2 Jahr — Fr. frs 2.20.

Заказы просим направлять через контору «Соц. Вестника».

но свойственна была та «беззащитность», о которой говорит Форш, и которая ей напоминала беззащитность «пылкого воина, забывшего щит». Первые годы революции Горький провел между молотом и наковальней — между революцией и культурой, смутно ощущая, что эти понятия вовсе не полярны. Хорошо переданы эти ощущения Горького Шкловским в его «Заметках». Когда в Петербург в 1920 году приехал английский писатель Уэльс и ничего не увидел в революционном Петербурге, кроме «грязи и бескультурья», Горький был очень огорчен: «ему было печально, что Уэльс не видел скрытой теплоты великой культуры и великого явления культуры — революции». Вряд-ли, однако, сумел бы Горький сам так сформулировать свои ощущения. Дело в том, что основным в Горьковских представлениях о культуре являлось представление о ней, как о продукте трудовых усилий народа, вне понимания культуры, как продукта социальной борьбы.

Горький вообще был слабым марксистом и в неладах с марксизмом прожил, в сущности, всю жизнь. Любопытно, что он особенно сильно отталкивался от элементов детерминизма в марксизме, которые он воспринимал как какое-то посягательство на его волю к жизни. Вот почему, как только он почувствовал, что революция выбросила из своих недр многие тысячи энергичных людей, тот «чудесный сплав» из Челкаша и купца Маякина, о котором Горький страстно мечтал всю свою жизнь, он встал в позу рябьего дядьки-охранителя этих людей и этого режимизма, искренно думая, что этим самым он охраняет завоевания революции. Советская действительность на каждом шагу жестоко мстила Горькому за эту политическую наивность, раскрывая перед ним язвы режима диктатуры, цинизм, самодовольство, высокоглядство, выхолащивание многих и многих его собратьев по перу. Горький редко жаловался, да и кому пойдешь жаловаться, когда извалил на свои плечи бремя безоговорочной защиты официальной идеологии? Когда ему уж очень становилось не в моготу, он тихонько сам принимался наводить порядок, иной раз находил в себе решимость бичевать равнодушные, невежественные, эгоистические и волчьи инстинкты литературной братии. Но голос его в последние годы все слабел. Перед ним заискивали, его боялись, но его не любили молодые советские строчкогонцы.

Он стал топтаться на месте, разрываясь между тысячько маленьких дел; инженер душ, он забросил свое высокое искусство. Он мрачнел и, повидимому, не разделял официального оптимизма. В последних его пу-

блицистических высказываниях все усиливались нотки обличения, перемежаясь с трагическим вопросом: почему жизнь, которая могла бы быть прекрасна, в действительности налаживается так мучительно медленно? Будь Горький лет на двадцать моложе, у него, вероятно, хватило бы решимости вновь сорваться с места и пойти самому потолкаться среди масс трудового люда, которые он знал и понимал, как никто из современных советских писателей. Кто знает, может быть, из этого запоздалого странствования он вернулся бы с той единственной книгой, которой так страстно, так неотступно и напрасно ждали от него пролетарски-социалистические элементы молодой революционной страны.

В. Ал.

Перед снятием санкций

В отличие от библейской легенды, единоборство эфиопского Давида с итальянским Голиафом закончилось победой последнего. Это и неудивительно: против современного Голиафа, вооруженного танками и бомбовозами, чернокожий Давид выступил чуть ли не с той же библейской пращой.

Правда, на стороне современного Давида были международные договоры, дух и буква ковенанта, торжественные обязательства пятидесяти держав, осудивших в Женеве нарушителя мира и постановивших применить к нему финансовые и экономические санкции. Маленький африканский народ, быть может, с еще большей энергией — когтями и зубами — защищал бы в партизанской войне свою тысячелетнюю независимость, если бы не поверил Лиге Наций, если бы не положился на поддержку ведущих женевских держав, если бы не рассчитывал на обуздание европейского хищника европейскими же стражами международного права. Но присяжные блюстители коллективной безопасности дальше полумер не пошли.

Даже тот, далеко недостаточный, арсенал мер воздействия, что содержится в ст. 16 ковенанта, не был сразу и полностью пущен в ход против единогласно установленного агрессора. Дипломатические отношения с нарушителем мира, с которым, согласно букве и духу ковенанта, все участники Лиги Наций должны были автоматически оказаться как бы на положении войны, не были прерваны. Финансовые и экономические санкции были пущены в ход с запозданием, притом они не были распространены на самые существенные виды военного сырья и топлива. Вопрос о закрытии Суэцкого канала для итальянских военных судов даже не поднимался.

Мы знаем, чем объяснялась эта нерешительность и половинчатость Лиги Наций, преодолеть которую не смогли до самого конца ни возмущенное общественное мнение всего мира, ни давление международных организаций пролетариата, неоднократно заявлявших о своей готовности всемерно поддержать самую решительную и последовательную политику санкций против нападателя. Дело было не только в новизне процедуры применения санкций, не только в опасении тяжелых торгово-политических и экономических последствий применения санкций у стран, связанных с Италией тесными торговыми узами, и даже не только в расхождении империалистических интересов Англии и Франции, в неодинаковой степени угрожаемых итальянским завоеванием Абиссинии. Главная причина нерешительности и половинчатости в применении санкций, обусловившая безрезультатность последних, лежала в обстановке, создавшейся в Европе с приходом Гитлера к власти и с возрождением военной мощи Германии. Отношение Англии к одностороннему аннулированию Гер-

манией Версальского договора отбросило Францию в объятия Италии, предопределив двусмысленную политику Лавала по отношению к африканской авантюре Муссолини. В свою очередь эта двойственная политика Франции парализовала активность британской политики в абиссинском вопросе.

В результате — топтание на месте Лиги Наций, давнее Муссолини возможность увенчать свое чело лаврами победителя, а безвластного короля на запятках диктатуры провозгласить императором Эфиопии. Политический ложно-классицизм «дуче», бывший дотоле лишь орнаментом фашистской диктатуры, получил, наконец, материальное воплощение. До осуществления горделивой мечты о возрождении Римской Империи, разумеется, еще далеко, но горное плато Абиссинии призвано лечь первым камнем в фундамент фашистской Империи. Во всяком случае, Италия уже сейчас превращается в крупную колониальную державу. Когда Германия добьется возвращения ей африканских колоний, Африка окончательно уподобится банке со скорпионами.

Эпоха колониальных войн, таким образом, далеко еще не закончилась. Передел колоний между «сатурированными» и голодными империализмами останется в порядке дня, пока будет существовать соперничество империалистических держав в борьбе за рынки сбыта, за источники сырья, за «цветные» пополнения для своих армий. Вопрос лишь в том, уместен ли этот передел колоний в рамки подконтрольных Лиге Наций мирных соглашений — до полного уничтожения колониальной зависимости, или же он будет попрежнему осуществляться в порядке локальных или мировых войн.

**

Победа Италии ставит Лигу Наций в еще более трудное положение, чем в свое время японская агрессия против Китая. На Дальнем Востоке формально дело до войны не дошло. Завоевание Маньчжурии было облечено в форму «национального самоопределения» трех северных провинций Китая, создания «независимого» государства Маньчжоу-го и возведения на престол «законного» представителя Маньчжурской династии. К тому же, спрятавшись за фикцией Маньчжоу-го, Япония поспешила выйти из Лиги Наций. С присущим ему цинизмом ренегата, который он выдает за политический реализм, Муссолини обошелся без фикций. Он не скрывал своих завоевательных планов, он ясно сформулировал цели своей «колониальной экспедиции», он вел войну реванша и захвата, оставаясь в Лиге Наций, единодушно осудившей агрессивную войну Италии. Если японское нарушение ковенанта причинило престижу Лиги Наций огромный ущерб, то формально осужденная война Италии, завершившаяся завоеванием Абиссинии, нанесла Женеве едва ли не смертельный удар.

Можно по разному относиться к Лиге Наций. От былых женевских иллюзий эпохи стабилизации осталось только горькое разочарование. Но даже те, что критически и даже нигилистически относились ранее к Лиге Наций, отдают себе теперь отчет в военноопасном смысле очередного поражения Женевы. Как ни далека от совершенства Лига Наций по своему охвату, по своей конституции, по своим реальным возможностям осуществлять функции международной юстиции и международной полиции, но с распадом Лиги Наций исчезнет единственный зародыш надгосударственной организации, единственный блюститель международного права, единственный гарант коллективной безопасности. Вот почему никто не решается предложить Лиге Наций самоураздниться и повесить замок на своем, только что отстроенном, женевском дворце, прикрепив к дверям его дощечку: «С д а е т с я в н а е м».

Победа силы над правом несовместима с дальней-

шим существованием женевского института. Яркое тому доказательство — смятение средних и малых держав, разочаровавшихся в Лиге Наций, как гарантии их безопасности, и начинающих искать спасения кто на путях проблематического «нейтралитета», кто на путях превращения своего в вассалов великих милитаристских держав.

Процесс панической перегруппировки охватывает все центральную и юго-восточную Европу. Планы реставрации Габсбургов усиливают еще более это смятение. Не оставляя генеральной линии своей экспансионистской политики (Дранг нах Остен), гитлеровская Германия ловко использует замешательство малых держав, чтобы попытаться разбить Малую и Балканскую Антанты и возобновить свое экономическое и политическое продвижение в юго-восточном направлении, по той самой линии Берлин-Багдад, что уперлась в 1914 г. в мировую войну.

Во время японо-китайского конфликта для Лиги Наций, потерпевшей неудачу в своей миротворческой миссии, дело шло о том, чтобы как-нибудь «спасти лицо». В виду неучастия Соед. Штатов и Советского Союза в Лиге Наций, Япония находилась в то время практически за пределами досягаемости. Но Италия тут, под боком. Сейчас такой выход, как «спасение лица» не дано. Вот почему величайшими утопистами являются те «реальные политики», что полагают, будто с победой Италии положение упростилось. Нет, с победой Италии в Африке кризис Европы только начинается!

Под этим углом зрения предстоящее снятие санкций также представляется не концом, а лишь началом кризиса Лиги Наций. Это инстинктивно почувствовали широкие, пацифистски настроенные народные массы в Англии, взявшей на себя теперь инициативу возбуждения вопроса о снятии санкций после того, как в свое время именно она явилась инициатором этой меры, подкрепив ее, даже без ведома и одобрения Лиги Наций, едва ли однако не под давлением своих империалистических интересов, сосредоточением всего английского флота в Средиземном море. Понятно и злорадное удовлетворение право-буржуазных кругов во Франции, все время боровшихся против применения санкций к Италии из опасения потерять союзника против Германии и отказавшихся «итти на поводу своекорыстно-империалистической политики Англии». Приветствуя снятие санкций и требуя признания «совершившегося факта», т. е. завоевания Абиссинии, эти близорукие политики не понимают, что проблематическое возвращение Италии, даже в качестве империи, в ряды Антанты, как если бы ничего не случилось, не сможет не вызвать разочарования и отхода самых верных союзников от Франции.

**

Народные массы Англии с полным правом воспринимают поворот своего правительства в сторону снятия санкций, как «измену». Рабочая Партия, открывая в стране широкую кампанию против консервативного правительства, с полным правом говорит о величайшем обмане, какой когда либо имел место в истории Англии. Если на ноябрьских выборах в парламент консерваторы вновь получили большинство, то главным образом потому, что они выступили тогда самыми ревностными паладинами ковенанта и самыми яркими сторонниками политики санкций. Если после инцидента Хор-Лаваль консервативное правительство удержалось у власти, то только потому, что, уступая буре народного негодования, Болдвин разорвал парижский проект уступок агрессору и заменил Хора «санкционистов» Иденом.

Санкции упираются в войну, — говорят теперь в свое оправдание Болдвин и Иден. Этот старый аргумент противников санкций не остановил в свое время

английское правительство, которое внезапным вводом всего английского флота в Средиземное море едва не форсировало — в разрез с намерениями Лиги Наций и поддержавшего ее социалистического интернационала — превращение экономических и финансовых санкций в военные. Теперь, после того как «непобедимый» английский флот — гоме флест — потерпел поражение без боя, английское правительство, снимая экономические санкции, решает усилить постоянный состав своего флота в Средиземном море. При таких условиях снятие санкций есть лишь превращение острого итало-английского конфликта в хронический, но едва ли менее военноопасный.

Санкции — мера воздействия на агрессора, но не мера наказания победителя, — утверждают далее Болдин и Иден. Но Италия потому и оказалась победительницей, что санкции применялись в заведомо недостаточной для успеха дозе. Недействительность всех санкций и других мер воздействия, предусмотренных в ст. 16 ковенанта, и сейчас не может быть доказана. Италия не торопится убрать свои армии из начерно завоеванной, но далеко не замиренной страны, в которой сохранились еще, повидимому, очаги сопротивления. Продолговольствование и снабжение горючим этой огромной армии требуют почти тех же, в сущности, огромных ресурсов, что и так наз. военные операции. Без моссулской и бакинской нефти моторизованные части итальянских армий едва ли могли бы сохранять свою подвижность. Снятие санкций дает возможность Муссолини без помехи закрепить свою победу.

Английское правительство, высказавшись в палате общин за снятие санкций, лицемерно подчеркнуло, что решающее слово принадлежит общему собранию Лиги Наций. Но ведь решение Лиги Наций явно предрешено постановлением английского правительства, которое не сочло даже нужным вступить по этому поводу в предварительный контакт с новым правительством Франции. Последнему ничего, т. об., не оставалось делать, как посчитаться с «совершившимся фактом», т. е. с поворотом английской политики в вопросе о санкциях.

Что же дальше? Отмена санкций предрешена. Но что будет с Лигой Наций? Что будет с организацией коллективной безопасности? Что делать, в частности, с Муссолини, настаивающем перед лицом растерявшейся Англии и бессильной Лиги Наций не только на признании «округления» Италии за счет Абиссинии, но и на отмене состоявшегося признания Италии нападающей стороной?

Английские консерваторы отвечают: все эти вопросы надо отложить до очередной сентябрьской сессии Лиги Наций. Тогда можно будет заняться и вопросом о ре-

форме Лиги Наций. Основы этой реформы при этом не уточняются. Но, по всей видимости, сущность ее в сведении до минимума континентальных обязательств Англии и в превращении Лиги Наций из органа коллективной безопасности в нотариальную контору, где будут депонироваться региональные пакты, прикрывающие военные союзы. Это дало бы возможность в угоду Германии отказаться от принципа неделимости мира, лежащего в основе ковенанта, т. е. в обмен на проблематический гарантийный пакт на Западе Европы предоставить Гитлеру свободные руки на Востоке. Преследуемая английским правительством политика приручения и обезвреживания гитлеровской Германии путем отвлечения ее нео-империалистической экспансии на восток объективно направлена против франко-советского союза, т. е., в конечном счете, против безопасности Франции, Бельгии и Голландии, являющейся как будто целью европейской политики Англии.

Но английские консерваторы, быть может, просчитаются. Они недооценили силу реакции собственного народа на их «измену». Они слишком рано решили, что с приходом к власти правительства Народного Фронта Франция превратилась на арене мировой политики в канитэ неглижабль.

Между тем, взоры всего мира устремлены сейчас на Францию. Правительство Народного Фронта, вынужденное согласиться со снятием санкций, будет стремиться, согласно всему духу политики Леона Блюма, предотвратить окончательное банкротство Лиги Наций путем создания, под эгидой Л. Н., системы коллективной безопасности на основе неделимого мира, прогрессивного подконтрольного разоружения, обязательного арбитража, мирного пересмотра договоров на основании ст. 19 ковенанта и согласования региональных пактов о взаимной поддержке с ковенантом.

Эту политику мира правительство Леона Блюма будет пытаться навязать и тем странам, которые являются любителями «свободных рук» для осуществления своих захватнических империалистических планов, т. е. Германии, Италии и Японии. С ними — или без них, по известной формуле Блюма.

В среде международного социализма существуют различные мнения по поводу осуществимости этого плана. Но все социалисты, без различия течений, дружно поддержат всякий действительный шаг французского правительства Народного Фронта для сохранения мира. Особенно ответственная задача ложится при этом на английскую Рабочую Партию. Без активного участия Англии инициатива французского народного правительства повиснет в воздухе.

П. Гарви.

ЛИТЕРАТУРА и ЖИЗНЬ

ПЕРВЫЙ ВАЛ

С недавнего времени в центр внимания писательской общественности поставлен большой и новый вопрос о народности искусства. Что означает этот поворот, который должен принести литературе исцеление от всех ее немощей?

Всякое общественное явление легче понять, изучая историю его возникновения. «С. В.» на протяжении последних лет неоднократно отмечал самую существенную черту подавляющего большинства произведений, посвященных генеральной линии: их антидемократичность. Большинство писателей концентрировало внимание только на выдвигенцах пятилетки, на ее знатных людях; трудящиеся-же массы в них фи-

гурировали только в качестве статистов; это был лишь социальный фон, который должен был особо оттенять всю увлекательность подема отдельных, талантливых единиц. Уверения писателей и критиков, что таких людей в живой жизни насчитывается не единицы, а многие тысячи, читатель не верил, потому что сам писатель говорил о жизни тысяч и миллионов трудящихся сиплой скороговоркой, мимоходом, торопясь на свидание со своими сильными, энергичными, «замешанными на солнечном тесте» героями.

При всей оптимистичности общей писательской установки в отношении советской действительности, а часто благодаря ей — читатель особенно остро переживал вклиненные в пышный орнамент повествования ку-

ски из реальной советской действительности, которые страстно опровергали и осуждали этот поверхностный оптимизм. Вдогонку многим нашим писателям читатель бросал упрек безвестного ночного прохожего: «Слушайте! Эй, вы писатели! Что же молчали! Испугались? Люди для вас неинтересны?» (К. Большаков «Маршал 105 дня»).

Ап. Григорьев сказал когда-то: «Не разобщаются люди с современностью безнаказанно, как бы ни было искренно разобщение». Сколь же тяжело и чревато роковыми последствиями то «разобщение» с жизнью и интересами широких трудящихся масс революционной страны, которое произошло у большинства писателей за годы генеральной линии? Именно это трагическое разобщение и осознается сейчас в наиболее передовой части писательской общественности. Нет нужды идеализировать эту общественность: по своей инициативе она едва ли занялась бы этим вопросом! Она это делает под глухим, но все растущим давлением трудящихся масс. Эти трудящиеся массы росли в обстановке голода и неслыханных лишений, и она зародила в них иные желания, иные идеалы, чем те, которые внедрялись им с официальных амвонов советской общественности. Они и сейчас еще не вполне осознаны. Но откуда-то из глубин огромной трудящейся страны навстречу и наперекор болтовне «столичной служилой богемы», недоуменно разбиваясь о берега диктаторского режима, несетя глухо бурлящий народный вал полумислей, полуощущений, далекий от религии вождизма, преклонения перед беспорочным разумом коммунистического руководства: Мы, мы, а не вы за нас вынесли на своих плечах всю тяжесть строительства — шумит этот смутный вал.

Догадка о том, что новейший поворот к народности осуществляется под давлением трудящихся масс, превращается в уверенность, когда вдумываешься в творчество тех писателей, которые чувствуют себя посредниками между трудящимися и властью. Среди этих писателей едва ли не самой интересной фигурой является Иван Катаев. Он был членом писательской организации «Перевал», которая основана была на излете нэпа Воронским. В эту группу вошел целый ряд талантливых писателей, как Пришвин, Зарудин, Слетов, Акульшин и др. У «Перевала» была целая литературно-политическая программа. В этой программе «Перевал» рекомендовал себя как объединение людей, выросших «среди битв»; за ними «навсегда разрушенное прошлое»; перед ними «заря безграничного небосклона будущего». Политически «Перевал» боролся против «левого курса» и на своем знамени написал «гуманизм», «искренность», «умение видеть мир». Генеральная линия в лице тогдашних руководителей литературной политикой не могла потерпеть этой «мелкобуржуазной» писательской группировки и раскассировала ее. Но эти писатели продолжали существовать на окраинах советской литературы, отодвинутые туда более счастливыми соперниками. Их голос звучал одиноко в шумном хоре бардов диктатуры. Одно время казалось, что этот их особый голос заглушен. Генеральная линия для осуществления своей грандиозной экономической программы сумела мобилизовать огромное количество молодых и талантливых людей из недр страны и факт этот увлек и многих «перевальцев». «Перевальцам» свойственна особая нежная зоркость к огромной, неизученной плебейской России. И тот же Иван Катаев вскоре после разгрома «Перевала» написал повесть «Победители», в которой поднял на щит «никем непрославленное племя заведующих, директоров, председателей» за то, что эти «крепкие, немигающие люди, предназна-

ченные к тому, чтобы стоять во главе», пришли не с курсов и не из школ, «их выбросила из своих недр взбурленная страна». Через год он пишет новую повесть, посвященную «выкормышам предместья, овладевшим городом и государством» («Ленинградское шоссе»). Затем появляется повесть «Хамовники», в которой с большой внутренней теплотой дается апофеоз московской окраины: «Хамовники, старое подворье народа ходока и странника! Осыпи каких только слоев не валились сюда, какие сплавы не кипели, какие силы не сшибались в тишине предместья!» Весь богатый запас своего лиризма отдает художник безымянной, плебейской России. Тогда еще у Катаева не было ощущения конфликта между этой плебейской, трудовой страной и ее верхами. Этот конфликт возник позже.

Те же настроения характерны для другого молодого писателя Карцева («Магистраль») с той только разницей, что в его романе уже живет конфликт между трудовой страной и частью ее руководства. Достаточно вчитаться в сцену встречи коммуниста Орвиса с инженером-коммунистом Дорофеевым на первомайском митинге. Секретарь райкома Орвис произносит речь в стиле передовиц «Правды». Его слушает коммунист инженер Дорофеев и чувствует, как от этой напыщенной бюрократической лжи «у него сжимается кулак в кармане, и кровь бросается ему в лицо». Но он не ограничивается сжатом в кармане кулаком. Он берет слово и, забыв коммунистические условности, открыто и всенародно упрекает Орвиса в лжи. Он ненавидит в Орвисе выхолащенного бюрократа и, в свою очередь, ощущает на себе взгляд Орвиса, полный «холодной ненависти». Дорофеев — выходец из демократической земской России. Он остро ощущает, что Орвисы и есть источник того «социального отчуждения», которое произошло между властью и трудовой страной.

Исподволь и незаметно, принимая различные обличья, во многих произведениях и стихах стало трепетать взволнованное чувство связанности с огромной плебейской страной, которая как-то выбирается на большую дорогу истории: «Год от году мы все смелей, мы гордые, мы крестьяне, дети сельских учителей» (Борнорнилов).

Но ощущение конфликта между страной и новыми социальными верхами в последнее время все обостряется. Любопытно проследить нарастание этого конфликта у Ивана Катаева. В большой речи, произнесенной недавно на одном из писательских совещаний, Катаев сказал: «Предстоит серьезнейшее смещение критериев в искусстве, огромное изменение масштабов, проверка репутаций делом, авторитетов — жизнью. Высокая волна народного массового творчества во всех его проявлениях, испытанных и совершенно новых, что катится сейчас по стране, это лишь первый вал. Как все это расплеснется и разыграется завтра, что будет через пять, десять лет, — трудно сейчас представить, хотя направление развития предугадать можно. Мы должны внутренне готовиться к этим переменам». «Наше искусство, наша литература должны быть демократическими: по духу, тону, идеалам, симпатиям, связям, — в идее, в вымысле, в синтаксисе, в лексике, в каждом движении мысли и чувства... Но для этого ему надлежит стать искусством великой социалистической демократии... Попутно Катаев подвергает уничтожающей критике творческую практику большинства писателей эпохи генеральной линии, их «кастовую» замкнутость, оторванность от жизни и интересов трудового народа, их «внезыблемое, вечное, буддийское равнодушие», незнание жизни — «но уж действительно ничего не знают — ни страны, ни людей, — ни одного класса или социальной прослойки». Перед мысленным

взором Катаева рисуется новое народное искусство, в котором «наше колхозное крестьянство в неизмеримо большей степени, чем раньше, будет уже становиться и суб'ектом, и об'ектом, и непосредственным творцом этого искусства» («Искусство социалистического народа»).

Осуществление программы подлинно - народного и революционно - демократического искусства — еще музыка будущего. Коммунистические верхи, чуть-чуть приоткрывая сейчас народный клапан, не очень то склонны идти на реальные уступки интересам широких трудящихся масс, а давления народных масс еще недостаточно, чтобы принудить их к этим уступкам. Пока эти верхи коммунистической бюрократии лавируют, лишь много говоря о народности. И неслучайно внутри писательской общественности, как по щучьему велению, уже возникла целая плеяда идеологов «народности», которые «прорабатывают» ее с тем же выхолощенным неистовством, с каким еще пять-шесть лет назад они внедряли идею «диктатуры пролетариата». Но за этим поверхностным явлением намечаются значительные и глубокие социальные процессы. Мы присутствуем сейчас, правда, лишь при начале какой-то новой полосы развития. Высказывания Катаева только первые ласточки. Но такого рода высказывания приобретут совсем иное значение и гораздо более широкий резонанс по мере нарастания экономического и социального веса и социальной активности народных низов. В этом, может быть, основная проблема современности.

В. Александрова.

ЗАГРАНИЦЕЙ

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ И СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ НАРОДНОГО ФРОНТА.

Для будущего исследователя социальной истории Франции выборы 26-го апреля и 3-го мая 1936 г. представляют совсем особый интерес. Выборы эти выявили, что традиционное **равновесие социальных сил**, характерное почти для всего послевоенного развития Франции, вступило в свою критическую фазу; больше того: выборы не только выявили начавшийся во Франции глубокий процесс **перегруппировки социальных сил**, они дали мощный толчок для дальнейшего развития этого процесса. В частности в рабочем классе громадная победа Народного Фронта и в особенности блестящий избирательный успех обеих рабочих партий и передвижение политической оси Народного Фронта от радикалов к социалистам создали благоприятные условия для консолидации всего организованного рабочего движения и чрезвычайно усилили в рабочих массах непосредственное ощущение своего социального значения.

Обе рабочие партии — социалистическая и коммунистическая — в последние недели быстро растут, внутренне значительно окрепли и политически настолько сблизились, что обсуждение вопроса о создании единой рабочей партии вновь поставлено в порядок дня. Обо всем этом, вероятно, еще представится случай рассказать подробно в одном из ближайших номеров «С. В.». В сегодняшнем обзоре я хочу прежде всего остановиться на вопросах, менее знакомых нашим читателям, на тех новых чертах, которые складываются в последние месяцы во французском профессиональном движении.

Французские профсоюзы приняли участие в выработке программы Народного Фронта и в течение зимы и весны не раз участвовали в манифестациях, организованных Народным Фронтом, но в избирательной кампании профсоюзы — как это вошло во Францию в обычай — никакого участия не принимали. Эта враждебная «политике» и анти-парламентская традиция французского синдикализма давно уже, однако, внутренне выхолощена и в значительной мере превратилась **только** в традицию, лишенную и для носителей ее подлинной внутренней убедительности. Последние выборы нанесли этой традиции настолько сокрушительный удар, что — впервые в истории Франции — в порядок дня мог быть поставлен вопрос о **прямом участии профсоюзов в правительстве**.

10-го мая собрался Совет Социалистической Партии (орган, который по своей роли в структуре СП напоминает Пленум ЦК в ВКП) для подведения итогов выборов и обсуждения

“ DER KAMPF ” INTERNATIONALE REVUE

выходит в расширенном виде — 48 страниц вместо 32 страниц. Статьи по проблемам международной политики и экономики и социалистического движения. Постоянные обозрения (мировая политика, международный социализм, профессиональное движение, Советский Союз). Библиография. Обзор журналов.

Редактор: Otto BAUER.

Цена отдельного номера 4 франка, подписная плата на год 40 франков.

Генеральное представительство для Франции:
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК.

вопроса о будущем правительстве. Совет единогласно вынес пространную резолюцию об участии партии в правительстве и принятии партией на себя руководящей роли в нем. Особый абзац был посвящен в этой резолюции профсоюзам:

«Совет обращается к объединенной профсоюзной рабочей организации и просит о ее содействии (т. е. о содействии будущему правительству), характер и формы которого должны быть установлены самими профсоюзами в условиях полной независимости профдвижения».

В общеполитической резолюции Совет ограничился этой осторожной формулой. Но в дополнении к ней Совет принял небольшую практическую резолюцию, в которой поручил Бюро СП и Леону Блюму обратиться с письмом к Всеобщей Конфедерации Труда и пригласить ее принять участие в правительстве (с таким же письмом решено было обратиться и к КП).

Вопрос о прямом участии профсоюзов в правительстве до сих пор во французском рабочем движении вообще не обсуждался и решен был Советом СП несколько поспешно. Как ни важно было бы обеспечить влияние профсоюзов на правительство и на всю его деятельность, как ни важно было бы, с другой стороны, укрепить правительство участием в нем представителей такой влиятельной организации, как ВКТ, — участие профсоюзов в правительстве могло бы затруднить профсоюзам осуществление их прямой задачи — задачи всесторонней защиты интересов рабочих (и служащих), как продавцов рабочей силы. Тем более, когда речь идет не о чисто рабочем правительстве, а о правительстве, которое заведомо должно опираться и на левобуржуазные партии. Бюро ВКТ поступило поэтому, по моему мнению, правильно, отклонив — в очень дружеской форме — предложение об участии в правительстве, но подчеркнув в то же время свою готовность к «сотрудничеству» с правительством путем «официального участия в руководящих административно-хозяйственных органах, которые должны быть созданы для проведения в жизнь непосредственных требований Плана ВКТ и для содействия широкой политике общественных работ».

Здесь поставлена — также впервые во Франции (и не только во Франции) — проблема систематического участия профсоюзов в выработке и осуществлении определенной официальной политики при сохранении полной независимости профессионального движения. В какие формы должно вылиться это «сотрудничество» профсоюзов с правительством остается пока, по видимому, не вполне ясным и руководителям ВКТ. На состоявшемся 18-го мая заседании Национального Комитета ВКТ (этот орган несколько напоминает Пленум ВКП) Жуо ответил на этот вопрос лишь в очень общей форме: «Мы не намерены замещать народный суверенитет (т. е. парламент). Но мы должны формулировать несколько абсолютных принципов: органы сотрудничества, которые были бы для нас приемлемы, должны иметь право выносить окончательные решения, должны иметь возможность нести ответственность и проводить свои решения в жизнь».

Правая пресса сейчас же забила тревогу по поводу опасности «двоевластия», «внепарламентарного второго правительства» и т. п. Жуо в «Пэпле» и Ракамон в «Юманитэ» очень решительно выступили против попыток так толковать решения ВКТ: «Когда мы говорим о создании органов, которые должны иметь возможность выносить окончательные решения, речь идет о решениях по проведению в жизнь плана, принятого ранее правительством за полной его ответственностью» (Жуо). И не менее категорически Ракамон: «Никакого посягательства на прерогативы правительства, но создание системы энергичных импульсов для осуществления (постановлений парламента и правительства)».

Все это еще очень расплывчато. Руководящие органы рабочего движения почти ошупью ищут решений новой проблемы, но проблема поставлена уже со всей серьезностью — проблема обеспечения прямого организованного влияния независимого профессионального движения на решающие участки государственного управления.

Это зародыши нового развития, которое, может быть, в течение ближайших лет приведет к глубоким изменениям во всей социальной и политической жизни Франции. Здесь стоит упомянуть мимоходом, что как раз в последние месяцы в широких кругах французского крестьянства оживленно обсуждается вопрос об объединении существующих крестьянских организаций в широкую конфедерацию по типу ВКТ и с несомненными заимствованиями из идейного багажа синдикализма. И очень может быть, что уже к концу этого года во Франции рядом с пролетарской ВКТ будет существовать аналогичная и дружественная ей Всеобщая Конфедерация Крестьянского Труда. Социальная и политическая жизнь Франции ищет новых путей.

Обсуждение вопроса о формах сотрудничества ВКТ с будущим правительством еще только началось, когда внезапно поднявшаяся волна огромного стачечного движения временно отодвинула его на второй план.

**

Стачечное движение возникло стихийно. Во вторник 26-го мая с утра на одном из парижских металлических заводов рабочие прекратили работу и предъявили экономические требования. При этом рабочие не ушли из предприятия, как это обычно бывает при забастовке, а остались на заводе, заявив, что они не уйдут до конца забастовки. В тот же день «забастовка на месте» перекинулась еще в 2-3 предприятия; на следующий день движение значительно выросло, а в четверг стал гигант французской промышленности — автомобильный завод Рено с его тридцатитысячным рабочим составом, и движение начало все шире захватывать и неметаллические предприятия. Это была не одна стачка, а множество стачек, продолжавшихся нередко лишь 1-2 дня, но кое-где затягивавшихся на полторы-две недели и более.

Вопреки алармистским сообщениям буржуазной печати, писавшей о «захвате» предприятий рабочими и с ужасом вспоминавшей о русском, германском и итальянском опыте первых лет после войны, «стачка на месте» везде носила подчеркнuto мирный характер. Захват предприятий, как он когда-то имел кое-где место в России, Германии и Италии, а в 1934 году и в Испании, имел целью полное устранение и экспроприацию собственников предприятий и переход предприятий в ведение рабочих или государства. В новейшем французском стачечном движении о вытеснении, а тем более об экспроприации владельцев не было даже и речи. Аресты владельцев и директоров предприятий рабочими или запрещением владельцам и дирекции доступа в предприятия, о чем в эти дни время от времени сообщала правая печать, во всех проверенных случаях (а большинство конкретно названных в печати случаев были проверены частью профсоюзами, частью органами власти) оказались газетной уткой. В стачечные дни мне случилось быть на заводе Рено и здесь мне показали инструкцию для «распорядителей» (сервис д'ордр): первый параграф ее обеспечивает дирекции завода в любое время свободный доступ в предприятие и свободу передвижения в нем. В самих предприятиях рабочие повсюду по собственной инициативе поддерживали строгий порядок и чистоту. В рабочей печати не раз подчеркивалось, что за время стачки нигде не было разбито ни одного стекла, не пропало ни одной мелочи, и правая пресса не могла противопоставить этим утверждениям ни одного факта.

Успех стачечного движения был совершенно исключительный. Оно сразу поставило в порядок дня ряд коренных вопросов, разрешение которых имеет огромное и принципиальное, и практическое значение для всего рабочего класса Франции. Во Франции, как ни в одной из стран развитого капитализма, до последнего времени царила в большинстве промышленных предприятий атмосфера предпринимательского абсолютизма, замаскированная кое-где легким флером «патриархальности». Достаточно сказать, что огромное большинство отраслей французской промышленности практически почти не знало коллективных договоров. Правда, в первые годы после войны коллективные договоры и во Франции получили широкое распространение, но практика эта была мимолетна; она быстро сошла на нет, и колдоговоры сохранили свое значение лишь в двух-трех отраслях (горное дело, типографии), в которых они упрочились еще задолго до войны. За последние годы французская статистика отмечала ежегодно заключение всего двух-трех десятков колдоговоров, всегда лишь местных или в лучшем случае охватывающих небольшую район, иногда относящихся лишь к одному предприятию («фирменный договор»). Зимой 1933/34 гг. здесь была про-

ведена официальная анкета о коллективных договорах; она обнаружила, что в металло-промышленности колдоговоры существовали в это время лишь для 18.000 рабочих из 1.200.000 рабочих, т. е. едва для полтора процента, да и эти колдоговоры регулировали условия труда лишь очень неполно; в текстильной промышленности колдоговорами было охвачено только 2% рабочих, в химической промышленности 0,2% и т. д. Еще истекшей зимой Парижский союз металлистов дважды обращался к союзу металлозаводчиков с предложением о заключении колдоговора. На первое предложение последовал ответ, что с союзом, стоящим на почве «классовой ненависти», а не «социального мира», союз работодателей отказывается вести переговоры; а на второе предложение вовсе не последовало ответа. — О рабочем представительстве в предприятиях не могло быть в этих условиях и речи. «Единоначалие» безгранично царило в подавляющем большинстве французских предприятий. О переговорах с профсоюзами громадное большинство фабрикантов и заводчиков даже слышать не хотело. Во многих предприятиях рабочие должны были тщательно скрывать свое участие в профдвижении.

Сейчас весь этот патриархально-реакционный хлам сметен стачечной волной. Рабочие всюду добились признания колдоговоров, признания профсоюзов, признания рабочего представительства, увеличения заработной платы, введения платных отпусков (15 дней в году и больше), введения 40-часовой рабочей недели с соответственным увеличением почасовой заработной платы. Кстати, — отмечу для советского читателя — сорокачасовая рабочая неделя это 40 часов работы в течение календарной недели, т. е. в течение 7 суток; это более далеко идущее сокращение рабочего времени, чем наша «пятидневка» с 7-часовым рабочим днем (т. е. 35 часов в течение 6 суток). — Все это достигнуто частью в порядке переговоров, которые велись по предприятиям при участии представителей профсоюзов, но главным образом в порядке центральных переговоров под руководством т. Блюма и других членов правительства, и в порядке законодательства, осуществленного с исключительной энергией и беспримерной быстротой.

В буржуазных кругах тлела надежда, что стачечное движение свалит правительство Народного Фронта и расчленил путь для широкой буржуазной концентрации. Но правительство Блюма блестяще справилось с выпавшей на его долю трудной задачей. Еще за несколько дней до отставки Сарро Леон Блюм на съезде Социалистической Партии со всей решительностью по существу солидаризировался со стачечниками и обещал приходе к власти обеспечить в кратчайший срок осуществление их важнейших требований. И стачечное движение не только не ослабило правительства Народного Фронта и тем более не ослабило в нем влияния социалистов, а напротив: только под огромным впечатлением, которое произвело на всю страну стачечное движение, охватившее за короткий срок около 2 миллионов рабочих и служащих и всколыхнувшее весь французский рабочий класс, вплоть до самых отсталых и подавленных его слоев, правительство Блюма получило достаточный авторитет для того, чтобы заставить центральную организацию работодателей, которая еще нежелавшую разговаривать с профсоюзами, заключить общее соглашение со Всеобщей Конфедерацией Труда об осуществлении основных требований стачечников. Только опираясь на это массовое движение, правительство могло добиться от парламента принятия в несколько дней и под давлением большинством голосов законов о коллективных договорах и рабочем представительстве в предприятиях (в палате 528 голосами против 7), об отпусках (563 голосами против 1), о 40-часовой рабочей неделе (385 против 175) и др.

Но не только правительство Народного Фронта нашло свою опору и новый источник сил в стачечном движении. Весь французский рабочий класс выходит из этой борьбы окрепшим, полным новых сил, ищущим своего организованного выражения. И профсоюзы едва успевают справляться с захватываемыми ВКТ союзами, увеличилось более чем вдвое и перевалило уже за два с пол. миллиона. Процесс консолидации французского рабочего класса и перегруппировки социальных сил Франции быстро развивается.

С. Шварц.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В БЕЛЬГИИ.

Последние недели положительно перевернули обычно столь спокойную и медлительную политическую жизнь Бельгии. Все привычные нормы и темпы бельгийского политического «климата» опрокинуты глубим рядом явлений и процессов, драматично уже давно в глубине общественной жизни, но теперь бурно прорвавшихся наружу. Сказалось это впервые на парламентских выборах 24-го мая. Многим казалось, что после года политики «национального и экономического обновле-

ния» можно с полным доверием предложить «на суд народа» ее плоды. Если католики и либералы эксплуатировали военную опасность, «терроризм» и «поджоги церквей» в Испании и т. п., то Рабочая Партия, наиболее ответственная за эксперимент Ван-Зеланда, не переставала, с одной стороны, ссылаться на скандинавские страны, с другой стороны — указывала на почти полторагодовой опыт конструктивной работы в коалиционном правительстве. Но все избирательные расчеты оказались ошибочными. Волна энтузиазма и надежд, которую Бельг. Раб. Партия сумела создать вокруг «Рабочего Плана» Де-Мана, скоро спала. Хотя программа коалиционного правительства и была проникнута духом «Раб. Плана» и, по словам Де-Мана, осуществляла первый его отрезок, — тем не менее, и самому Де-Ману, и Вандервельде пришлось, после годичного опыта, признать, что «отрезок», в основном, принес выгоды, главным образом, предпринимателям и банкирам. Заверения, что «теперь настал черед раб. класса», не смогли вызвать достаточного энтузиазма.

Правда, экономическое положение страны улучшилось, половина безработных нашла работу. Но, с другой стороны, при повышении индекса цен на 9%, а основных предметов широкого рабочего потребления, в среднем, до 20%, общая сумма фонда зарплаты (включая уже и 100 с лишним тысяч вновь вовлеченных в процесс производства безработных) возросла лишь на 10%. Это лишь статистическое подтверждение того факта, что улучшение конъюнктуры, как и уплата расходов по кризису и девальвации, были в значительной мере переложены на плечи трудящихся. Но значительная часть тягот легла и на так наз. «средние классы», т. е. на мелкую и среднюю городскую буржуазию и крестьянство. В Бельгии, стране сберегателей, рантье и мелких держателей ценных бумаг, девальвация, доведшая стоимость франка до 10 золотых сантимов, довершила разорение этих классов, начатое инфляцией 25-26 гг. и биржевым крахом 1930 года. Правда, правительство Ван-Зеланда не было ответственно ни за девальвацию, ни за биржевую спекуляцию. Но девальвация была одной из причин экономических успехов правительства: Бельгия была последней страной этой денежной манипуляции и, следовательно, как страна экспортирующая, смогла полностью использовать ее выгоды. Но эта же девальвация, с другой стороны, способствовала формированию, в плоскости уже социальной, тех сдвигов, которые в этой стране политического консерватизма и компромисса приняли прямо «геологический» характер.

**

Результаты выборов характеризуются двумя явлениями: 1) значительным поражением правительственных партий (католиков, социалистов, либералов); 2) столь же значительным избирательным успехом оппозиционных группировок, крайне-правых и крайне-левых. Тут мы снова находим уже знакомое по целому ряду стран проявление бунта народных масс против традиционных, застывших политических образований. И в Бельгии массы жаждут каких-то кардинальных перемен: психологическое состояние, крайне благоприятствующее всякого рода социальным демагогиям и, в частности, фашистской демагогии. Старые партии, даже рабочая партия, корнями уходящая в привычный быт, не сумели своевременно учесть этот процесс.

На языке цифр эти выборы выразились в следующем: Социалисты потеряли почти 112 тыс. голосов и 3 мандата (и это при увеличении общего числа мандатов); католики потеряли до 230 тыс. голосов и 16 мандатов; либералы — свыше 41 тыс. голосов и 1 мандат. В то же время коммунисты выиграли свыше 77 тыс. голосов и 6 новых мандатов, что утроило их парламентскую фракцию; фламандские националисты (фашисты) выиграли 36 тыс. голосов и 8 мандатов, что удвоило их представительство; «рексисты» собрали свыше 271 тыс. голосов и 21 мандат в парламенте.

Эта последняя партия, образовавшаяся всего 6 месяцев тому назад из рядов католической партии, является типично фашистской, и именно ее небывалый успех явился «сюрпризом» выборов. То, что «Рекс» сумел за такой короткий срок, в стране умеренных политических страстей, сформировать столь значительную силу, дает представление о том, насколько глубоко была взрыта почва социальных отношений.

Рекс вырос на почве демагогической эксплуатации политико-финансовых скандалов и коррупции. Но, косяк от кости католицизма, он подбивает эту демагогию подкладкой «христианской чистоты». Загадка его успеха в том и состоит, что он сумел объединить массы «ощипанных» крестьян, рантье и сберегателей на основе защиты их кошелька и веры от «гнилых» политико-финансистов и «красных» социалистов. Все эти скандалы не новы, и их уже давно и больше всего разоблачала соц. печать, но у Рекса это «разоблачительство» заняло основное место, стало в центре агитации и пропаганды, пе-

чатной и устной. Эта погоня за сенсацией и рекламой, умело с'организованная, не останавливающаяся ни перед ложью и клеветой, ни перед личными нападками, не стеснялась никакими правилами «христианской чистоты», — эта беспринципность, возведенная в принцип, позволила Рексу обещать всем и все, совсем на манер Гитлера. Темные деньги, которыми Рексисты располагают в неограниченном размере, заставляют предполагать, что источник их находится в среде других «политико-финансистов» и «гнилых», которых Рекс, конечно, не разоблачает. Это явно фашистское движение умело синтезирует метод и анти-капиталистическую фразу «наци» с елейным незуитством австрийского фашизма. Но при всем том Рекс остается типично бельгийским движением. Он сумел ухватить бельгийского обывателя-католика и «остриженного» сберегателя за чувствительное место. В Бельгии существует целый ряд фашистских подражателей Гитлера и Муссолини. Но ни одна из этих групп не сумела выйти из состояния полного ничтожества. Опасность Рекса усугубляется еще тем, что он самые крупные свои победы завоевал в четырех самых индустриальных районах: в Брюсселе, Льеже, Шарлеруа и Вервье. Его влияние в рабочих массах еще незначительно, но уже симптоматично, что за него голосовало, повидимому, до 35 тысяч прежних социалистических избирателей. Только успех сейчас происходящей почти уже всеобщей забастовки может не только стереть этот симптом, но и радикально изменить политическое развитие страны. Наоборот: поражение забастовки или даже только недостаточная полная победа может опасно усилить тенденцию к рексизму в рабочей среде. Тем самым, прямо или косвенно, нынешнее забастовочное движение решит и политические судьбы рабочего класса и социализма в Бельгии...

Руководящие круги Раб. Партии оказались настолько захваченными врасплох этими результатами выборов, что тотчас же постановили образование «Народного Фронта», о котором раньше и слышать не хотели. Но, с другой стороны, эти же круги не сумели найти связи между этими результатами и содержанием их политики в коалиционном правительстве. Это было тем более трудно, что выборы создали парадоксальное положение: потерпев поражение, Раб. Партия потерпела его, однако, в меньшей мере, чем католическая, и благодаря этому, стала самой сильной фракцией в парламенте и Сенате. Тем самым она стала осью всех возможных правительственных комбинаций.

После длительного и тяжелого министерского кризиса было образовано старо-новое правительство Ван-Зеланда. Соц. партия имеет в нем 6 мест (вместо прежних 5-ти), но она не получила ни министерства внутренних дел, что на съезде Партии 1-го июня ставилось обязательным условием сотрудничества, ни министерства юстиции, ни председательства в кабинете. Что же касается платформы, выработанной съездом, то и тут пришлось «подлить воды в свое вино». Новая правительственная программа продолжает, в общем, основные линии предыдущей, с прибавлением, в очень мало определенной форме, мероприятий в области социальной политики, которые должны как-то удовлетворить трудящиеся массы, и мероприятий, гарантирующих свободное функционирование демократических учреждений (оборона против фашизма).

Протекающее сейчас забастовочное движение вносит, однако, существенные поправки в эту программу.

**

Попытка применения метода оккупации фабрик, созданная творческим гением самих раб. масс в условиях кризиса и безработицы и гарантирующая их от штрейкбрехерства, наткнулась на решительное сопротивление правительственного большинства.

Присутствие 6 министров социалистов в правительстве не мешает жандармерии вести себя вызывающе.

Министерство юстиции, со своей стороны, сочло пужным через посредство радио и печати предупредить иностранцев, что малейшее их касательство к происходящим событиям приведет автоматически к их высылке из страны.

В этой атмосфере положение нового правительства становится очень шатким. Присутствие социалистов в правительстве затрудняется провокационным поведением жандармерии и создаваемыми ею инцидентами. С другой стороны, требования бастующих (повышение зарплаты с минимумом в 32 фр. в день, гарантия профсоюзных свобод, 40-часовая неделя и оплаченные отпуска) выходят за пределы правительственной программы. От хода и исхода забастовки, как заявил и Вандервельде, зависит существование правительства.

Кто знает, не отвечает ли поведение жандармерии интересам, а то и директивам некоторых влиятельных кругов, которые либо ставят себе целью непосредственно установить более или менее авторитарные формы правления, либо же, соответственно заявлениям и намерениям Рекса, стремятся вы-

звать правительственную «чехарду», с непрерывными кризисами, роспусками парламента и выборами, которые в результате должны привести к этой же цели?

Происходящие сейчас стихийные массовые забастовки, перекатывающиеся из страны в страну, чреватые большими возможностями для раб. класса и социализма. Для Бельгийской Раб. Партии эта волна забастовочного движения имеет особо важное и решающее значение.

В. И.

БОРЬБА ЛАТЫШСКИХ СОЦИАЛИСТОВ.

«И. И.» (Информационному Бюллетеню РСИ) пишут из Латвии:

Деятельность социалистов Латвии протекает в условиях абсолютной нелегальности. Единственное место, где они имеют возможность легально высказывать свои убеждения, — скамья подсудимых на суде. В начале апреля 10 членов социалдемократического союза молодежи, которые провели до этого два года в предварительном заключении, приговорены к тюремному заключению от 1 до 4-х лет. Незадолго до этого двое молодых рабочих были осуждены за распространение социалистической литературы к 4 и 5 годам каторжной тюрьмы. В ближайшее время предстоит ряд процессов в Риге, Либаве и Митаве, на которых должна решиться судьба 25 человек, арестованных за принадлежность к социалдемократической рабоче-крестьянской партии. Но несмотря на все репрессии, борьба социалистов развивается.

Латышская социалдемократия считает одной из главных своих задач вовлечение в борьбу против фашизма вместе с рабочим классом средних классов. Боевыми лозунгами борьбы являются: свержение диктатуры 15-го мая и предание суду виновных; создание твердой власти рабочих и трудящихся крестьян, создание демократической конституции, высвобождение внешней политики Латвии из-под влияния гитлеровской Германии и присоединение к франко-советской системе пактов.

В своей как внутренней, так и внешней политике латышская социалдемократия разоблачает фальшь и лицемерие фашистского режима. Во-вне фашистский режим пытается сохранить видимость дружелюбия даже в отношении Советского Союза и уж, конечно, в отношении Франции и Англии. На деле же внешняя политика Ульманиса враждебна Советскому Союзу и исполнена дружелюбия к гитлеровской Германии. Внешнюю политику правительства фактически ведет генеральный секретарь министерства иностранных дел Мунтерс, немец не только по рождению, но и по своим симпатиям к национал-социалистическому правительству Германии. Его недавний визит в Варшаву, где у него было свидание с Бекком, был сочувственно отмечен немецкой прессой, в латвийской же печати о нем вообще ничего не сообщили. Не раз ездил в Берлин и сам Ульманис, но поездки эти происходят всегда тайне, под видом поездки в отпуск. В этой обстановке поездка руководителя генерального штаба латышской армии в Москву (в конце апреля и начале мая) произвела здесь впечатление вынужденного визита.

Экономические сношения Латвии с Германией за последнее время расширились. Против этого можно было бы не возражать, если бы не было известно, что расположение Германии Ульманис покупает дорогой ценой политических компенсаций. В Латвии запрещены все социалистические западноевропейские газеты. А наряду с этим снят запрет с книги Гитлера «Моя борьба», хотя в этой книге пропагандируется идея завоевания прибалтийских государств.

Особенно двойственно ведет себя фашистское правительство по отношению к балтийским немцам. Латышский народ в силу ряда исторических причин рассматривает балтийских немцев как своих национальных врагов. Во-вне правительство Ульманиса как будто разделяет эту точку зрения, на деле же балтийские немцы находятся под покровительством Гитлера, и правительство очень прислушивается к голосу германского посла. Эта внешняя политика раздражает офицерские круги в Латвии. Недавно они выпустили нелегальную прокламацию с обращением к «вождю» о смещении Мунтерса.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ПОЛЬШЕ.

В начале мая состоялась в Варшаве конференция представителей Польской Социалистической Партии (ППС), Бунда, Немецких Социалистов Польши и Центральной Комиссии профессиональных союзов. Конференция была посвящена обсуждению политических и экономических требований рабочего класса Польши и имела целью консолидировать силы польского социализма, все еще страдающего от распыленности движения.

Доклад о политических требованиях польского рабочего класса сделан был т. Зарембой (ППС), с докладом, формули-

КОМПЛЕКТЫ „СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА“

за 1935 год

В ПЕРЕПЛЕТЕ . . . . Цена 100 фр.

Библиотекам и членам групп содействия

предоставляется скидка в 25 процентов

В небольшом количестве имеются и комплекты за 1932, 1933 и 1934 г.г., по цене

100 фр. за том

ровавшим экономические требования, выступил т. Виктор Альтер (Бунд). После оживленных прений конференцией были приняты резолюции, основные линии которых сводятся к следующему:

В области политических вопросов центральной задачей рабочего класса Польши является сейчас борьба за рабоче-крестьянское правительство, которое одно способно вывести трудящиеся массы Польши из тупика экономического кризиса, политического бесправия, дикого национализма и антисемитизма и постоянной угрозы войны. Эта борьба ставит перед рабочим классом задачу осуществления общего фронта с крестьянством и со служащими. В этой борьбе рабочий класс ставит себе следующие непосредственные цели: 1) преодоление безработицы и повышение жизненного уровня трудящихся масс; 2) подчинение органов власти воле трудящихся масс и завоевание свободного избирательного права; 3) завоевание политических прав и свобод для борьбы за принципиальные цели трудящихся масс; 4) отказ от политики союза с гитлеровской Германией и поддержка всех усилий, направленных к сохранению мира; 5) обеспечение мирного существования всех народностей, населяющих Польшу, на основе полной свободы, равноправия, территориальной автономии, обеспечения доступа к производительному труду и гарантии свободного и культурного развития для всех народностей Польши; 6) восстановление самоуправления общинных органов и органов социального страхования.

Экономическая резолюция развертывает целую программу деятельности рабоче-крестьянского правительства, включающую требования социализации банковского и кредитного дела, социализации крупных промышленных и торговых предприятий, экспроприации крупного землевладения (без выкупа), монополии внешней торговли. Эти мероприятия должны чрезвычайно усилить экономическую мощь рабоче-крестьянского правительства и предоставить в его распоряжение средства для повышения благосостояния страны путем введения планового хозяйства, поднятия покупательной способности трудящихся масс и подчинения эмиссионной и кредитной политики интересам производства.

Обе резолюции охватывают самые значительные проблемы пролетарской борьбы в Польше. Единодушное принятие их всеми польскими социалистическими партиями (украинские социалисты, не участвовавшие в конференции, вероятно, присоединятся к этим резолюциям) и профсоюзами свидетельствует о том, что дело консолидации польского социализма находится на верном пути.

ИЗ ПАРТИИ

ЗДОРОВЬЕ Ф. И. ДАНА

На многочисленные запросы, поступающие от разных товарищей относительно состояния здоровья Ф. И. Дана, Загредская делегация РСДРП сообщает, что в связи с болезнью желчного пузыря, Ф. И. Дан должен был 10-го июня с. г. подвергнуться операции в клинике проф. Госсе. Операция прошла благополучно, и тов. Дан находится на пути к полному выздоровлению.

Редакция «С. В.» и правл. Клуба им. Ю. О. Мартова послали тов. Дану пожелания скорейшего выздоровления и возвращения к столь нужной для партии деятельности.

ОТ РЕДАКЦИИ.

По причинам организационно-технического характера очередная корреспонденция к моменту верстки номера не пришла.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 8/6, 14/6, 20/6.

Отослано: № № 14, 15, 16.